

Т.С. КИЕНКО

СТАТУС И ПРОБЛЕМЫ ГЕРОНТОГРУППЫ (по материалам опросов жителей Ростовской области)

КИЕНКО Татьяна Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия (tatyanakienko@mail.ru).

Аннотация. В последние десятилетия в социальной практике отмечаются тенденции усиления негативных стереотипов старости, вытеснения проблем и интересов пожилых граждан, подмены неформальной (прежде всего семейной) поддержки механизмами социальной защиты, что актуализирует необходимость анализа положения геронтогруппы в регионах, поиск механизмов повышения их статуса и становления благоприятного социального климата старения. Целью настоящей статьи является оценка положения и проблем геронтогруппы по результатам опросов населения Ростовской области (2012–2017). Наблюдается снижение статуса пожилых людей (особенно экономического), рост ожиданий в отношении повышения уровня пенсионного обеспечения и надежд на государственный характер социальной помощи на фоне снижения роли семейной поддержки. Статус геронтогруппы связан с рядом парадоксов: высокостатусные атрибуты сочетаются с низкостатусными, негативизация стереотипов старости с позитивно-взвешенным восприятием пожилых людей, тенденции возрастной дискриминации и социальной эксклюзии представителей старших возрастных групп в регионе имеют место, но не вызывают протеста со стороны все более многочисленной геронтогруппы.

Ключевые слова: геронтогруппа • пожилой человек • статус • эйджизм • социальный климат старения • социальная модель старения

DOI: 10.31857/S013216250004276-6

Понятие геронтогруппы. Под геронтогруппой автор понимает особую социально-демографическую группу, представители которой характеризуются специфическими составляющими социального статуса (медико-биологического, физического, экономического, трудового, семейно-супружеского, психологического, культурного), общностью исторического прошлого и социальной памяти, мировоззрения и системы ценностей, причастностью к субкультуре своего поколения (так называемой ретрокультуре), близостью потребностей, интересов. Как всякая социальная группа, геронтогруппа дифференцирована: в ней можно обнаружить людей разного возраста, достатка, самочувствия, продолжающих трудовую деятельность и незанятых, проживающих самостоятельно, в кругу семьи, в социальном учреждении и пр. Вступление в геронтогруппу следует рассматривать как сложный, длительный, многофакторный биосоциальный процесс, обладающий выраженной социальной обусловленностью, связанный прежде всего с физиологическим старением. Переход в состав геронтогруппы связан с поэтапной, требующей адаптации трансформацией отдельных компонентов статуса: экономического (завершение трудовой активности, как правило, ведет к понижению доходов), медико-социального (что связано с индивидуальными особенностями изменения здоровья, сопряженного с биологическим старением, качеством и доступностью медико-социального обслуживания, социальной активностью, экономическим статусом и пр.). Восприятие геронтогруппы обусловлено стереотипами старения как снижения социальной активности, трудоспособности, адаптивных

ресурсов, ослабления физиологического и психического здоровья, которые следует отделять от его социальных маркеров, возрастных и физиологических границ; стереотипы старения динамичны, спорны, не характеризуют всех представителей геронтогруппы.

Возрастные границы вхождения в геронтогруппу крайне условны и не могут рассматриваться в качестве маркеров начала старения. В обыденном сознании пожилые люди ассоциируются с пенсионным статусом и наличием внуков; этимологически «пожилой» – значит «пожил на свете», т.е. имеет почтенный возраст, жизненный опыт. В отечественной науке под пожилыми людьми часто понимают лиц, отошедших от участия в трудовой деятельности и/или достигших пенсионного возраста [Гулина, 2008: 50; Балабанова, 2016: 180 и др.]. Четких календарных границ пенсионного возраста нет: так, в России с 1 января 2019 г. начало пенсионного возраста для большинства граждан – получателей страховой пенсии определяется с 60 лет для женщин и 65 для мужчин, государственной пенсии – с 65 и 70 лет соответственно, но переход будет постепенным, предусматривается возможность досрочного назначения пенсий при наличии необходимого трудового стажа, для отдельных категорий работников, льготный порядок назначения пенсий для матерей, имеющих четырех и более детей, для лиц, проживающих в зонах особого социально-экономического статуса, участников ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС и пр.)¹. Труднее проводить кросскультурные и международные сопоставления: в европейских странах начало пенсионного возраста отнесено к 65–67 годам, в то время как продолжительность жизни миллиардного населения стран так называемой периферии пролегает между 40 и 50 годами, где понятия пенсионного возраста и пенсионной системы отсутствуют. Пожилой возраст как социальный конструкт ассоциируется не с календарным возрастом, а с социальными маркерами – появлением внуков, выходом на пенсию, изменением социально-ролевого набора и социального статуса, часто – с парадоксальным сочетанием высоко- и низкостатусных атрибутов (права на уважение с пониженной функциональностью, нетрудоспособностью, инвалидностью); забыты этимологические корни слова «старый» (некогда означавшего «сильный, крепкий, большой, важный»). Отмечая, что в социальной теории нет адекватного определения пожилого возраста и старости, исследователи предлагают рассматривать старость в контексте диалектики двух концептов: обусловленной возрастом «дисфункциональности» и «жизненного опыта/заслуг» [Смолькин, 2014: 43]. Стереотипизация старения и неопределенность понятия «пожилой человек», по мнению А.С. Ковалева, имеет историко-социальные предпосылки, в том числе включение в одну социальную группу пожилых людей, инвалидов и нетрудоспособных в процессе становления системы социальной помощи [Ковалев, 2013: 88–96]. Отмеченная особенность является фактором сегрегации и эйджизма, хотя в последние годы наметилась тенденция к отказу как от терминологии, способной усугублять дискриминацию, так и от слияния категорий инвалидов и пожилых людей в социальном законодательстве. Международная классификация ВОЗ относит начало пожилого возраста к 60 годам, старости – к 75, возраст от 90 лет – к этапу долгожительства, однако в 2016 г. во «Всемирном докладе о старении и здоровье» заявлено определение пожилого как человека, чей возраст превысил среднюю продолжительность жизни при рождении². Такой подход позволяет варьировать границы и этапы старения с учетом гендерных, региональных, локальных аспектов, однако не является исчерпывающим, выпускает из поля зрения качественные характеристики социального и физиологического старения. Понятие геронтогруппы предлагается рассматривать вне конкретного календарного возраста, но возраст старше 60 лет принять в качестве *условной точки потенциального начала включения в геронтогруппу* (для унификации анализа, в силу ориентации на данный возраст большинства международных стандартов, отечественных и международных исследований, статистики).

¹ Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсии». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/ (дата обращения: 24.12.2018).

² Всемирный доклад о старении и здоровье. Всемирная организация здравоохранения. 2016. С. 280.

Демографические тенденции, социальные модели и климат старения. В 2018 г. на 146,88 млн чел. населения РФ приходится 37 362 тыс. чел. старше трудоспособного возраста и 31 226 тыс. чел. в возрасте старше 60 лет (эти цифры ежегодно увеличиваются примерно на полпроцента)³. Характерной чертой российской геронтогруппы является гендерный перекося (у старости женское лицо): для возрастной группы россиян 60–64 лет число женщин на 1000 мужчин в 2018 г. составило 1412 человек, для группы 65–69 лет – 1599, для группы старше 70 лет – 2377⁴. При формальном соответствии конституционных прав современным международным стандартам, наличия развитой системы социальной поддержки, большинство пожилых россиян с трудом обеспечивают жизненно необходимые потребности; отечественная социальная защита пожилых и старых людей претерпевает реформирование, но критерии оценки ее эффективности и качества все еще требуют пересмотра. Набирают научную силу и социальную значимость идеи стигматизации старости [Смолюкин, 2010; Елютина, Чернышкова, 2010], социальной эксклюзии лиц старших возрастных групп [Максимова, Неваева, 2015; Максимова и др., 2015; Овсянникова, 2016]; ведущие геронтологи страны говорят о необходимости создания гериатрической помощи [Анисимов и др., 2017] и системы менеджмента профессионального долголетия [Башкирева и др., 2016], о необходимости пересмотра архаических стереотипов и перехода к стратегии «отсроченного старения» [Григорьева, Келасьев, 2017]. Исследователи отмечают, что за последние полвека общество перешло от статусной к стигматизированной модели старости; в «стигматизации» старости обнаруживают способ обособования дискриминационного поведения по отношению к пожилым и старым людям [Елютина, Чернышкова, 2010]. Статусная модель старости, характерная для традиционных обществ предполагает уважение к статусу, авторитету, опыту старших как к гаранту социокультурного воспроизводства, социальной стабильности; помощь старикам оказывалась с позиции морального и социального долга, уважения к старшему как «сильному». По мере перехода к современному обществу социальная сущность помощи пожилым и старым людям приобретает черты моральной и практической благотворительности, милостыни, подаяния «слабому», становится атрибутом маргинальности.

Статус геронтогруппы теряет позиции по всем составляющим: экономической (уходит в прошлое исключительное право собственности), трудовой (механизм пенсионного обеспечения неадекватен, но усиливает трудовую дискриминацию геронтогруппы, маркером старости становится достижение пенсионного возраста), политической (уходит в прошлое геронтократия), семейной (многопоколенная семья уступает место нуклеарной), визуальной (выглядеть «старым», носить «старческое» не модно, не престижно), психологической и социальной (включенность, уважение, авторитет, главенство в процессах коммуникации сменяются социальным вакуумом, барьерами, изоляцией, одиночеством). В профессиональном дискурсе, социальном, информационном пространстве предпочтение отдается силе, скорости, мобильности. Технологии пластической хирургии и косметологии, подкрепляемые манипулятивными рекламными стратегиями, диктуют спрос на молодость; стремление к омоложению и красоте становится модой, культом, атрибутом статуса. Трансформируется образ пожилого человека в СМИ, на экране телевизора, в сознании и поведении самих пожилых. Быть «старым» становится неприлично; в попытке повысить статус, следуя моде и социальным ожиданиям, внешний вид пожилого человека, самопрезентация, поведение (особенно в урбанизированных пространствах) начинают приближаться к вневозрастным («униэйдж») или молодежным; представители геронтогруппы отказываются от признания за собой особых прав, нарушают традиционные

³ Распределение населения по возрастным группам: Демография: Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 26.12.2018).

⁴ Число женщин на 1000 мужчин соответствующей возрастной группы: Демография: Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 26.12.2018).

«уважительные» практики интеракции, что ведет к их свертыванию: подобные примеры рассматриваются как фактор «эрозии способа» и «размытости объекта» уважения пожилых людей [Смолякин, 2010: 89].

В эпоху «общества потребления» потребление «старого» ассоциируется с более низким статусом; «старое» приравнивается к «дешевому», теряет потребительскую ценность и символический смысл; следуя моде «трансмоложения», стремясь к изменению собственного статуса, человек предпочитает заменять старые вещи новыми [Бодрийяр, 2006]. Эта мода противоречит отношению к «старым вещам» старшего поколения, описанному в одном из исследований (старые вещи как старые друзья, как социальная память о прошлой жизни) [Елютина, 2008: 102–108]. В мире «новых вещей» пожилому человеку нет места, он сам – «старая вещь»⁵.

Чем больше «в тренде» молодость, тем больше вытесняется и стигматизируется старость, усугубляя вытеснение, маргинализацию, социальную пассивность геронтогруппы, распространение эйджизма [Колпина, Городова, 2015]. Низкий статус, неуважение, исключенность способны превратить старение в тяжкую ношу, а старость – в возраст «дожития»; напротив, высокий статус, достойный уровень жизни, признание и востребованность, занятость и социальная активность являются признаками благоприятного социального климата старения и условиями смыслообразующей, продуктивной старости.

Материалы и методы исследования. В 2012–2017 гг. на территории Ростовской области с целью изучения актуальных проблем и статуса геронтогруппы методом устного очного анкетирования проведен ряд авторских опросов (при участии студентов Южного федерального университета направления подготовки «Социальная работа»). Основными задачами исследования являлись определение актуальных проблем геронтогруппы, оценка их статуса населением региона в целом, определение ответственных субъектов социальной поддержки пожилых и старых людей. Квотная выборка включала гендерные (мужчины и женщины) и три возрастные подгруппы (молодежь, лица трудоспособного и пенсионного возраста); квота для каждой панели составляла 50 респондентов от 6 половозрастных подгрупп (мужчины в возрасте от 18 до 30 лет, от 31 до 59 лет, от 60 лет и старше; женщины в возрасте от 18 до 30 лет, от 31 до 54 лет, от 55 лет и старше); выборка случайная, нерепрезентативная. Выборка населенных пунктов строилась по принципу доступности и представленности разных районов области и поселений различных типов⁶. Представлены результаты опросов 900 жителей Ростовской области ($N = 900$, в 2012 г. $N = 300$ чел., в 2015 г. $N = 300$ чел., в 2017 г. $N = 300$ чел.), акцент сделан на результаты, полученные в 2017 г.

Жители Ростовской области о положении и проблемах геронтогруппы. Отмечается устойчивое мнение о том, что старость тождественна бедности. В 2017 г. 71% респондентов отнесли российских пенсионеров к категории бедных, 12% – к категории нищих, 6% – к имеющим средний и 11% – достаточный доход. Возможность прожить на пенсию 69% жителей Ростовской области оценили отрицательно, 20% – положительно, 11% предложили собственные варианты, в т.ч. аналоги отрицательных ответов – 6% («существование», «выживание», «очень трудно»); 5% ответили «смотря какая пенсия», «если пенсия большая». Характерно, что среди респондентов, считающих возможным прожить на пенсию, большинство составляют сами пожилые люди, они чаще предлагали варианты «существование, «выживание», уклоняясь от прямого артикулирования несостоятельности пенсионного обеспечения;

⁵ Существует и феномен «элитарного старого» – «винтаж», раритет, единичные старые вещи, обладающие ценностью символической и потребительской в силу уникальности, непохожести, штучности. Однако массовое «старое» в обществе потребления, переживающем тенденции постарения населения, как правило, не ценно.

⁶ В трех панелях опросов задействованы жители: крупнейшего города (Ростов-на-Дону); крупных городов (Таганрог, Шахты); больших городов (Батайск, Волгодонск, Новочеркасск, Новошахтинск); средних городов (Азов, Гуково, Сальск); малых городов (Б.Калитва, Зверево, Зерноград, Миллерово, Морозовск, Пролетарск, Семикаракорск, Цимлянск), ПГТ, сел станиц (Багаевской, Боковской, Вешенской, Кагальницкой, Казанской, Егорлыкской, Мелиховской, Тацинской).

ответ «смотря какая пенсия» выбирали преимущественно респонденты-мужчины в возрасте до 30 лет. В 2012 г. 54% жителей считали, что на пенсию прожить нельзя (в 2015 – 56%), треть считала, что можно (в 2015 – 31%), 12% предлагали свои варианты (6% – «смотря какая пенсия», 6% – «выживание»); в 2015 так ответили 11% и 2% оставили вопрос без ответа. Экономическое положение пожилых людей, по мнению жителей Ростовской области, снижается, причем в период с 2015 по 2017 г. отмечается существенное снижение.

Средний размер назначенной пенсии в России в 2017 г. составил около 17,5 тыс. рублей⁷. Однако экономический статус лиц старшей возрастной группы существенно варьирует по регионам ввиду значительной региональной дифференциации уровня социальных выплат, льгот, пособий, компенсаций, величины прожиточного минимума; наиболее существенный разрыв между уровнем жизни жителей дотационных и экономически состоятельных регионов, жителей провинции и мегаполисов, города и села. По данным отделения Пенсионного фонда по Ростовской области в 2018 г. среднемесячный размер страховой пенсии составил 13 306 рублей, страховой пенсии по старости – 13 762 рубля, социальной пенсии – 8 797 рублей⁸. По мнению жителей области, размер пенсионного обеспечения вдвое меньше желательного: оптимальным размером пенсии в 2017 г. 37% назвали 20–30 тыс. руб.; 36% – 15–20 тыс. руб. Чем моложе респонденты, тем более высокий уровень пенсионного обеспечения они считают оптимальным: большинством пенсионеров желательный размер пенсии указан в диапазоне 15–20 тыс. руб. (52%), среди трудоспособного населения выделяются подгруппы, указывающие диапазон 15–20 тыс. руб. (35%) и 20–30 тыс. руб. (39%), 11% указывают 30–40 тыс. руб.; большинством молодежи оптимальный размер пенсии определяется в 20–30 тыс. руб. (53%); 22% называют меньше, а 27% – большие объемы (в 2012 г. модальные значения располагались в диапазоне 6–10 и 10–15 тыс. руб., в 2015 г. мнения делились на три примерно равные группы – 6–10, 10–15, 15–20 тыс. руб.).

Респонденты всех подгрупп считают, что пенсионеры продолжают работать по экономическим причинам, о чем свидетельствуют данные исследователей в других регионах (С.А. Сукневой и А.С. Барашковой в Республике Саха [Сукнева, Барашкова, 2016: 695–701], К.А. Балабановой в Кирове [Балабанова, 2016: 179–182] и др.). Низкий уровень пенсионного обеспечения является для пенсионеров аргументом в пользу отдаления границ пенсионного возраста: если по мнению большинства респондентов оптимальный возраст выхода на пенсию совпадает с официальными границами 2018 г. (также во всех подгруппах встречается 1–2% желающих выйти на пенсию в 45–50 лет и раньше), то среди респондентов пенсионного возраста в 2017 г. 8% мужчин и 12% женщин предложили отодвинуть пенсионные границы до 60–70 лет. В России многие пенсионеры готовы, но не могут работать; их дискриминация на рынке труда усугубилась с введением принципа неиндексации пенсий работающих пенсионеров⁹, с чем связана тенденция сокращения числа работающих пенсионеров (в 2017 г. – 10 млн чел., в 2015 – более 15 млн чел.)¹⁰. Возможности

⁷ Средний размер назначенной пенсии россиян на 1 января в 2012 г. составил 8272,7 рублей, в 2015 г. – 10 888,7 рублей, в 2017 г. – 17 425,6 рублей. Также в январе 2017 г. все получатели страховых и государственных пенсий получили единовременную выплату в размере 5 тыс. руб. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (дата обращения: 15.07.2017).

⁸ Пенсионный фонд РФ: Отделение по Ростовской области. URL: <http://www.pfrf.ru/opendata/> (дата обращения: 25.12.2018).

⁹ Федеральный Закон от 29.12.2015 г. № 385-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191264/ (дата обращения: 22.07.2017).

¹⁰ Численность работающих пенсионеров, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации, по видам пенсионного обеспечения и категориям пенсионеров в Российской Федерации: Пенсионное обеспечение граждан пожилого возраста: Старшее поколение: Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (дата обращения: 02.07.2017).

постпенсионной занятости для лиц старшей возрастной группы респонденты всех подгрупп видят исключительно в сфере неквалифицированного низкооплачиваемого труда, без учета прежнего опыта, знаний, без права выбора, без перспектив карьерного роста (уборщица, дворник, сторож; самый распространенный ответ – «куда возьмут»). С.А. Сукнева и А.С. Барашкова отмечают, что возраст является главным фактором, затрудняющим трудоустройство в Республике Саха [Сукнева, Барашкова, 2016: 700]; отмечая нежелание работодателей в большинстве регионов России принимать на работу лиц старшей возрастной группы, исследователи видят возможность решения проблемы в отдалении границ пенсионного возраста с учетом региональных особенностей [Раменский и др., 2017: 235–242]. Автор считает отдаление границ пенсионного возраста преждевременным ввиду несопоставимости средней продолжительности жизни россиян с показателями западных стран. Более продуктивным видится развитие специализированных ниш постпенсионной занятости (в сфере социальной работы, дошкольного воспитания, в форме наставничества), стимулирование предпринимательства пожилых людей (что потребует обучения, сопровождения, беспроцентного кредитования, льготной аренды площадей). Ожидается, что проблема будет частично сглажена в ходе реализации «Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г.»¹¹, которая предложила эффективные меры, в том числе развитие института наставничества, профессионального, дополнительного, компьютерного обучения пожилых людей и пр. Безусловно, ситуация существенно изменится с вступлением в силу Федерального Закона № 350.

К числу острых социальных проблем геронтогруппы жители Ростовской области с 2012 по 2017 г. неизменно относят две – материального обеспечения и медицинского обслуживания. Респонденты пожилого возраста нуждаются в увеличении пенсий и расширении льгот, в повышении доступности бесплатной медицинской помощи, указывают проблемы самообслуживания, одиночества, недостатка общения, организации досуга. Актуальность заявленного ряда проблем подтверждается исследованиями в других регионах России (исследование социального статуса пожилых людей Кирова [Балабанова, 2016: 179–182], положения пожилых людей в Алтайском крае [Максимова и др., 2015: 156–161]). С 2017 г. жителями Ростовской области пенсионного возраста отмечается рост значимости проблем постпенсионной занятости и социального обслуживания. Несмотря на активное развитие технологий и форм социального обслуживания граждан пожилого возраста, сокращается персонал социальных служб, отмечается отказ от получения социальных услуг со стороны граждан, чей доход превышает уровень прожиточного минимума (что предполагает оплату социальных услуг), рост тарифов¹². Стоимость социальных услуг на платной основе минимальна, составляет в среднем для отдельной услуги 10–20 рублей (что затрудняет развитие частного и некоммерческого социального сектора), пакет необходимых и наиболее востребованных домашних социальных услуг для пожилого человека в Ростове-на-Дону на 2017 г. составлял около 600 руб. в месяц, однако и эта сумма для многих является непосильной. Медленное развитие частной социальной работы и семейных форм устройства пожилых людей, сужение бюджетных расходов на социальную поддержку, зависимость тарифов и объемов социальных услуг от возможностей регионов и муниципалитетов усугубляют снижение статуса геронтогруппы и тенденции эксклюзии.

В ходе опросов жителей Ростовской области отмечен традиционный характер представлений о субъектах социальной помощи, но в 2012 г. почти 70% считали, что пожилые люди должны проживать свою старость в семье, в кругу родных и близких, 27% – самостоятельно в своем доме (при условии государственной поддержки, достойной пенсии и

¹¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2016 г. № 2539-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года».

¹² Согласно ст. 8 Закона № 442-ФЗ утверждение тарифов, предельной величины среднедушевого дохода для предоставления социальных услуг бесплатно, размера платы за предоставление социальных услуг и пр. осуществляется органами государственной власти субъектов Российской Федерации, следовательно, напрямую зависит от социально-экономического благополучия региона.

Таблица

Распределение ответов на вопрос: «Кто должен ухаживать за пожилыми людьми и оплачивать их лечение, обслуживание, иные потребности?»

Варианты ответов	2012		2015		2017	
	абсолют. величина (число ответов)*	относит. величина (%)	абсолют. величина (число ответов)*	относит. величина (%)	абсолют. величина (число ответов)*	относит. величина (%)
Сами пожилые	0	0	0	0	6	2
Государство посредством достойной пенсии и доступной медицины	81	27	177	59	208	66
Семья, дети и внуки	209	69,6	149	49,6	60	20
Государство в лице социальных служб, домов престарелых, интернатов	21	7	27	9	36	12
Свой вариант	0	0	0	0	0	0

Примечание. *Респонденты могли выбирать больше одного варианта ответа.

доступной медицины), 7% – в социальных учреждениях; в 2015 г. 59% опрошенных возложили на государство уход за пожилыми, около 9% – на социальные службы, дома престарелых, интернаты (в том числе 15% подгруппы женщин в возрасте от 31 до 55 лет); около 50% указали семью, детей, внуков. В 2017 г. на вопрос «Кто должен ухаживать за пожилыми людьми и оплачивать их лечение, обслуживание, иные потребности?» 66% выбрали вариант «государство посредством достойной пенсии и доступной медицины»; 20% – «семья, дети и внуки», 12% – «государство в лице социальных служб, домов престарелых, интернатов», 2% – «сами пожилые» (табл.)¹³.

Чаще всего возлагать обязанности по уходу за пожилыми на самих пожилых и дома престарелых в 2017 г. склонны лица с высшим образованием (29 чел. из 36, 80% в подгруппе выбравших данный вариант), женщины (24 чел. из 36, 66,6%), молодежь и граждане пожилого возраста. Развитие института социальной работы ведет к формализации и «монополизации» функции помощи; социальные службы начинают восприниматься в качестве основных субъектов поддержки; семья, дети и внуки перекладывают функции ухода на государство и социальных работников; первичные институты освобождаются даже от морального долга заботы о пожилых. Если люди с высшим образованием, женщины, молодежь, сами пожилые с каждым годом все ближе к мысли о перекладывании функции заботы о пожилых людях с семьи на самих пожилых, государство, специализированные социальные службы, то в ближайшее десятилетие существует вероятность усиления такой позиции в общественном мнении в целом, тенденций эйджизма и ухудшения статуса геронтогруппы.

В ходе неформального общения в процессе опросов респонденты отмечали, что в практиках повседневного семейного, бытового, профессионального общения в отношении пожилых людей имеют место отчуждение, безразличие, резкость, раздражительность, пренебрежение, явные и неявные проявления вербальной агрессии, тех или иных форм насилия, однако данные проявления часто имеют латентный характер, трудно поддаются операционализации и изучению (о наличии проблемы в собственной семье, жизни респонденты предпочитают не говорить, приводя в качестве примеров факты пренебрежения нуждами и интересами представителей геронтогруппы в рамках профессионального дискурса, например, при обращении людей старшего возраста в медицинские, социальные учреждения,

¹³ Допускался выбор нескольких вариантов. – *Прим. автора.*

организации жилищно-коммунального хозяйства). Исследование и предупреждение плохого обращения с пожилыми людьми в 2016 г. включено в Глобальную стратегию и план действий ВОЗ по проблеме старения и здоровья в связи с опубликованными в журнале «Lancet Global Health» результатами исследования, показавшего, что почти 16% людей старше 60 лет в 28 регионах мира сталкивались с проявлениями насилия, пренебрежения потребностями и пр. недопустимыми формами обращения в семье и в стенах социальных учреждений [Yon et al., 2017: 147–156]; данная проблема требует отдельного изучения.

В общественном сознании имеют место стереотипы старости и старения (как бедности, ослабления, ухудшения здоровья), однако они не имеют прямого отношения к восприятию людей старшего возраста. Отношение к пожилым людям можно назвать взвешенно-позитивным: большинство респондентов характеризуют геронтогруппу как неотъемлемую часть социума, обладающую ролью, правом на уважение, особыми потребностями; как людей, переживающих изменения и трудности, отмечают необходимость проявления внимания, заботы, однако, готовность оказывать помощь в действенно-практической форме не высока (из 60% респондентов, выразивших в 2017 г. готовность оказывать помощь, дружить, общаться с представителями старшей возрастной группы, 19% реализуют данные намерения «время от времени» и 6% – «постоянно»); более 80% респондентов в 2017 г. отметили, что проявления уважения представителей геронтогруппы в повседневной практике встречаются все реже.

Заключение. Данные опросов свидетельствуют о снижении экономического статуса пожилых людей. Старость и старение ассоциируются с бедностью; оптимальный уровень дохода человека «в почтенном возрасте» почти вдвое меньше реального, растут ожидания в отношении уровня пенсионного обеспечения, но сами представители геронтогруппы скромны и социально пассивны, скорее предпочли бы иметь работу и отдалить пенсионные границы, чем ожидать повышения пенсии (тем более, требовать). К числу актуальных проблем геронтогруппы относятся материальные, потребность в доступном качественном бесплатном медицинском обслуживании, с 2017 г. – рост значимости проблем постпенсии занятости и социального обслуживания. Отмечена тенденция снижения роли семейной поддержки и ответственности семьи за выполнение функций ухода на фоне роста надежд на государственный характер социальной помощи. Статус геронтогруппы связан с рядом парадоксов: высокостатусные атрибуты сочетаются с низкостатусными, негативизация стереотипов старости, как следствие культуры и ценностей общества потребления, сочетается с позитивно-взвешенным восприятием пожилых людей. Тенденции возрастной дискриминации и социальной эксклюзии представителей старших возрастных групп имеют место, но проявляются латентно и не вызывают протестных реакций геронтогруппы. Существует необходимость повышения статуса пожилого человека, создания благополучного климата старения на принципах социальной инклюзии в русле социальной модели старения, но реализация задачи возможна при условии ориентации региональной социальной политики на приоритет безбарьерной среды для представителей геронтогруппы (социальной, культурной, политической, профессионально-трудовой, пространственно-территориальной), на формирование ценностного отношения к старости, активизацию самой геронтогруппы, на позитивизацию образа старения, рост ответственности и роли семейных форм социальной поддержки (в том числе посредством широкого массового геронтологического социального образования, обращения к исторической и социальной памяти и конструктивной геронтофильной практике, положительным образам старения и старости в СМИ).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимов В.Н., Серпов В.Ю., Финагентов А.В., Хавинсон В.Х. Новый этап развития геронтологии и гериатрии в России: проблемы создания системы гериатрической помощи: Часть 1: Актуальность, нормативная база // Успехи геронтологии. 2017. Т. 30. № 2. С. 158–168.
- Балабанова К.А. Оценка социального статуса пожилых людей (на примере г. Кирова) // Экономика и управление в XXI веке: наука и практика. 2016. № 3. С. 179–182.

- Башкирева А.С., Вылегжанин С.В., Качан Е.Ю. Актуальные проблемы социальной геронтологии на современном этапе развития России // Успехи геронтологии. 2016. Т. 29. № 2. С. 379–386.
- Бодрийяр Ж. Общество потребления / Пер. Е.А. Самарская. М.: Республика, 2006.
- Григорьева И.А., Келасьев В.Н. Архаические стереотипы и новые сценарии понимания старения // Успехи геронтологии. 2017. Т. 30. № 2. С. 243–247.
- Гулина М.А. Словарь-справочник по социальной работе. СПб.: Питер, 2008.
- Елютина М.Э. Пожилые люди и старые вещи в повседневной жизни // Социология семьи. Гендерные исследования. 2009. № 7. С. 101–108.
- Елютина М.Э., Чернышкова Е.В. Ситуации помощи пожилым людям: социологический анализ // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 1(81). С. 235–241.
- Ковалев А.С. Проблемы идентификации социального статуса пожилых людей и инвалидов в первой трети XX века: опыт историко-социологического анализа (на материалах Сибири) // Историческая психология и социология истории. 2013. № 1. С. 85–98.
- Колпина Л.В., Городова Т.В. Геронтологический эйджизм: причины возникновения и проблемы преодоления // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. С. 3871–3874.
- Максимова С.Г., Неваева Д.А. Социальная эксклюзия пожилых людей в современном регионе // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2015. № 8(130). С. 173–178.
- Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А., Максимова М.М. Социально-экономические и институциональные факторы, определяющие социальную политику в отношении лиц пожилого и старческого возраста // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2015. № 10. С. 156–161.
- Овсянникова Н.В. Социальный потенциал благополучного старения современного человека // Общество: философия, история, культура. 2016. № 1. С. 14–16.
- Раменский С.Е., Раменская Г.П., Раменская В.С. Повышение статуса российских пенсионеров путем привлечения их к квалифицированному общественно значимому труду // Бюллетень науки и практики. 2017. № 4. С. 235–242.
- Смолькин А.А. Трансформации уважительного отношения к пожилым людям у (им)мигрантов // Социологический журнал. 2010. № 4. С. 66–91.
- Смолькин А.А. Уважение к старости: социологическая концептуализация // Социология власти. 2014. № 3. С. 31–46.
- Сукнева С.А., Барашкова А.С. Тенденции старения населения Республики Саха (Якутия): социально-демографический аспект // Успехи геронтологии. 2016. Т. 29. № 5. С. 695–701.
- Yon Y., Mikton Ch.R., Gassoumis Z.D., Wilber K.H. Elder Abuse Prevalence in Community Settings: a Systematic Review and Meta-analysis // Lancet Global Health. February 2017. Vol. 5. No. 2. P. 147–156. DOI: 10.1016/S2214-109X(17)30006-2.

Статья поступила: 05.03.18. Принята к публикации: 17.12.18.

THE STATUS AND PROBLEMS OF THE GERONTOGROUP (Based on Surveys of the Rostov Region Residents)

KIENKO T.S.

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Tatyana S. KIENKO, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia (etatyankienko@mail.ru).

Acknowledgements. The article was supported by Southern Federal University.

Abstract. In recent decades, Russian social practices have noted trends in the growth of negative stereotypes of old age, the displacement of problems and interests of older citizens on the periphery of social life, the substitution of informal social support mechanisms for older people, which updates the need to analyze the situation and problems of older persons age group in Russia and regions, the search for mechanisms to improve their status and the establishment in Russia of a favorable social climate of aging. The aim of this article is to present the results of surveys of residents of the Rostov region in 2012–2017, devoted to assessing the status of the gerontogroup. Data of polls of the Rostov region residents confirm a slow, but steady tendency of decrease in a role of family support and responsibility of family for performance of functions of leaving against the background of growth of hopes for the state nature of the social help, the opinion that obligations for care of elderly have to lie on elderly, on

social services, nursing homes gains weight. The tendency of decrease in the economic status of elderly people in the region is noted, the old age and aging are associated with poverty, the optimum level of income of the person "at respectable age" is almost twice less than real. Growth of expectations concerning the level of provision of pensions is noted, however, representatives of a gerontogroup are socially passive, modestly estimate the income as satisfactory or sufficient, would prefer to have work rather and to distance pension borders, than to expect increase in pension. Economic problems, the need for available high-quality free medical care are among traditionally current problems of a gerontogroup; in 2017 the importance of a problem of employment and social service grew.

Keywords: elderly person, gerontogroup, status of the elderly person, ageism, social climate of aging, social model of aging.

REFERENCES

- Anisimov V.N., Serpov V.Yu., Finagentov A.V., KHavinson V.Kh. (2017) A New Stage in the Development of Gerontology and Geriatrics in Russia: the Problems of Creating a System of Geriatric Care: Part 1: Relevance, Regulatory Framework. *Uspekhi gerontologii* [The Successes of Gerontology]. Vol. 30. No. 2: 158–168. (In Russ.)
- Balabanova K.A. (2016) Assessment of the Social Status of Older People (on the Example of Kirov). *Ekonomika i upravleniye v XXI veke: nauka i praktika* [Economics and Management in the XXI Century: Science and Practice]. No. 3: 179–182. (In Russ.)
- Bashkireva A.S., Vylegzhanin S.V., Kachan E.Yu. (2016) Actual Problems of Social Gerontology at the Present Stage of Russia's Development. *Uspekhi gerontologii* [The Successes of Gerontology]. Vol. 29. No. 2: 379–386. (In Russ.)
- Baudrillard J. (2006) *Consumer Society*. Transl. E.A. Samarskaya. Moscow: Respublika. (In Russ.)
- Grigoryeva I.A., Kelashev V.N. (2017) Archaic Stereotypes and New Scenarios of Understanding of Aging. *Uspekhi gerontologii* [The Successes of Gerontology]. Vol. 30. No. 2: 243–247. (In Russ.)
- Gulina M.A. (2008) *Dictionary-reference Book on Social Work*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Elyutina M.E. (2009) Older People and Old things in Everyday Life. *Sotsiologiya sem'i. Gendernyye issledovaniya* [Sociology of the Family. Gender Studies]. No. 7: 101–108. (In Russ.)
- Elyutina M.E., Chernyshkova E.V. (2010) Situations of Assistance to the Elderly: a Sociological Analysis. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of Tambov University. Ser.: The Humanities]. No. 1 (81): 235–241. (In Russ.)
- Kovalev A.S. (2013) Problems of Identification of the Social Status of the Elderly and Disabled in the First Third of the XX Century: the Experience of Historical and Sociological Analysis (on the Materials of Siberia). *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historical Psychology and Sociology of History]. No. 1: 85–98. (In Russ.)
- Kolpina L.V., Gorodova T.V. (2015) Gerontological Ageism: Causes and Problems of Overcoming. *Fundamental'nyye issledovaniya* [Fundamental Research]. No. 2: 3871–3874. (In Russ.)
- Maksimova S.G., Nevayeva D.A. (2015) Social Exclusion of Elderly People in the Modern Region. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of the Altai State Agrarian University]. No. 8(130): 173–178. (In Russ.)
- Maksimova S.G., Noyansina O.E., Omelchenko D.A., Maksimova M.M. (2015) Socio-economic and Institutional Factors that Determine Social Policy in Relation to Elderly and Senile People. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of the Altai State Agrarian University]. No. 10: 156–161. (In Russ.)
- Ovsyannikova N.V. (2016) Social Potential of the Successful aging of Modern Man. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture] No. 1: 14–16.
- Ramensky S.E., Ramenskaya G.P., Ramenskaya V.S. (2017) Raising the Status of Russian Pensioners by Attracting Them to Qualified Socially Significant Work. *Byulleten' nauki i praktiki* [Bulletin of Science and Practice]. No. 4: 235–242. (In Russ.)
- Smolkin A.A. (2010) Transformation of a Respectful Attitude towards Older People from Migrants. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 4: 66–91. (In Russ.)
- Smolkin A.A. (2014) Respect for Old Age: Sociological Conceptualization. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. No. 3: 31–46. (In Russ.)
- Sukneva S.A., Barashkova A.S. (2016) Tendencies of Aging of the Population of the Sakha Republic (Yakutia): Socio-demographic Aspect. *Uspekhi gerontologii* [The Successes of Gerontology]. Vol. 29. No. 5: 695–701. (In Russ.)
- Yon Y., Mikton Ch.R., Gassoumis Z.D., Wilber K.H. (2017) Elder Abuse Prevalence in Community Settings: a Systematic Review and Meta-analysis. *Lancet Global Health*. February. Vol. 5. No. 2: 147–156. DOI: 10.1016/S2214-109X(17)30006-2.